

В 1996 году благодаря Красноярской краевой администрации, краевому военному комиссариату и краевому совету ветеранов войны и труда вышел седьмой том «Книги памяти», посвящённой погибшим в боях, умершим от ран и пропавшим без вести в годы Великой Отечественной войны сибирякам-красноярцам.

Из Уярского района по призыву и добровольцами ушли на фронт 7710 человек, из них 3068 не вернулись домой. Их имена и фамилии помещены в «Книге памяти» на 291 — 381-й страницах.

С волнением, тревогой и великой благодарностью я прочитала о наших героических земляках-уярцах, не вернувшихся с той проклятой войны. Среди знакомых фамилий и имён я нашла и фамилию и имя моего отца Якова Григорьевича Кириюхина.

Особое внимание привлекают имена совсем молодых ребят, которым было по семнадцать-восемнадцать. Они родились в Уяре, Семёновке, Новопятницком, Сухоное, Балае, Кайльке, Никольском, Авде, Борисовке, Покровке, Толстихино, Ольгино, Марьевке, Сушиновке, Новомихайловке и Луково...

Иван Ампилогов, Коля Бобронников, Вася Вавулин, Герберт Гаврилко, Дима Давыдов, Володя Евдокимов, Ванечка Жуков, Петя Залевский, Гриша Иванин, Алёша Кабанов, Петруша Левченко, Ваня Меркулов, Петя Назаров, Николай Орехов, Анатолий Петров, Саша Рябенко, Коленька Селезнёв, Василий Тарасенко, Коля Уханов, Яша Филёв, Николаша Хренков, Освальд Цурейн, Васятка Чулков, Володя Шишило, Вовочка Щукин, Коля Юзефатов, Павлуша Яцук...

В семейном архиве инвалида Великой Отечественной войны Ивана Алексеевича Стрельцова хранятся фотографии, письма и записи. Среди них — память об одном из его родственников, Василии Михайловиче Ермилове. Он вернулся домой живым, но какую жестокую рану нанесла его жизни война! Сейчас его уже нет. Вот запись его сестры Марии: «Из четырёх братьев у Васи было больше всех орденов и медалей». А вот его стихи, в которых он описывает, как воевал с друзьями. Не судите их слишком строго.

...Восемь лет я шинельку носил,
С автоматом мотался по свету,
Ничего для себя не просил,
Приближая святую победу!
Восемь лет я шинель не снимал,
Постоянного не было места,
Невидимкой в разведку шагал —
Я волшебником дома рос с детства.

Отзывались бойцы по фронтам,
Лучше брата родного любили,
Никому унывать не давал,
Веря в святость победы и силу.
Наша юность мужала в борьбе,
И в аду мы не раз побывали,
Хоть героями стали не все,
Но вот Родину мы отстояли.
С первых дней я в шинели ходил,
До последнего боя сражался.
Как я только остался живым —
Всю войну над собой удивлялся.
Наша вера в Победу сбылась,
Очень жаль, что друзья не дожили.
Сколько мужества было у нас,
Но Победу слезами обмыли.

...Катюше Зазыбиной к началу войны исполнилось десять лет. Резвый, непоседливый, шаловливый ребёнок. Родилась она в Николаевке, а в округе столько деревень: Змеиногорка, Новониколаевка, Толстихино, Восточное, Воронино, Кузьминка...

Это ведь теперь мы привыкли: автобус туда-сюда, — а в те далёкие годы вся надежда на резвые ножки, ну, может, на лошадке какой попутно подвезут. Семьи в деревнях были большие, и все вокруг то родня, то друзья, то подружки. И вдруг — война. Все сразу повзрослели. В семнадцать лет — уже мужчина, а в десять — уже подросток. И пошли по призыву сердца и по мобилизации деревенские мужики на фронт.

Провожали отцов и старших братьев — и просто друзей, односельчан. Провожали всей деревней, а повзрослевшие подростки, такие как Катюша, и в соседние деревни успевали сбегать.

Представляю, как они в свои двенадцать-четырнадцать лет с тревогой, восторгом, а может, и с завистью смотрели на семнадцатилетних красавцев. А потом становились в колхозные борозды, садились за штурвалы тракторов и косилок... Граждане 1931 года рождения недаром признаны рабочими в годы Великой Отечественной войны. Все четыре года провожали на фронт односельчан, и все четыре года приходили в сёла похоронки.

— Вернулись с войны только семь человек, — говорит Екатерина Павловна. — Катков Петро вернулся без ноги, но он семнадцать лет работал комбайнёром. Только он один знает, как ему эта работа досталась.

Предложила я ей вспомнить кого-нибудь из столь большого списка «Книги памяти».

— Что же, все они здесь записаны? — спрашивает неуверенно.

— Давай, — говорю, — посмотрим.

С каким же трепетом начала она читать первые фамилии траурного списка.

Ах, память, память. Екатерина Павловна теперь уже немолодая, но как она помнит их, дорогих своих земляков! Читая фамилии, она без ошибок говорит: Анишин Василий — из Толстихино, Бобров Николай — это наш, Валуйко Григорий — из Восточного, Гальнский Даниил — из Луково, а вот Маташовы Алексей и Василий — змеиногорские.

За время нашего общения с «Книгой памяти» она то вздохнёт, то покрестится, прося им царствия небесного, то расскажет, какой вот этот красивый парень был, а этот пятерых детей оставил.

— Да я же как со всей деревней встретилась! Спасибо, что принесла эту книгу, и огромное спасибо её составителям и издателям.

На просмотр более трёх тысяч фамилий ушло восемь часов (с семи вечера до трёх ночи). Я не могла её оставить наедине с этим горестным списком. Она разговаривала со мной, делилась волновавшими её воспоминаниями.

— Смотри, как разбросала их война: пропал без вести, похоронен в Калининградской, Орловской, Волгоградской областях, под Тверью, под Псковом, под Витебском, на Украине, в Белоруссии, Латвии... в Польше, Чехословакии, Германии...

Война разбросала, погубила, а люди добрые собрали их всех вместе — в «Книге памяти». И теперь уже никто не сможет различить их. Даже неумолимое время.